

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ГРАЖДАНСКОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

И. Д. Ибрагимов

Ибрагимов Ибрагим Джавпарович

Эл. почта: ibragimid@mail.ru. ORCID 0000-0003-0235-0285.

Пятигорский государственный университет, пр. Калинина 9, Пятигорск, 357532, Россия

Аннотация. В статье обосновывается исследовательский интерес к идентификационным детерминантам гражданского общества в современной России. Отмечается, что гражданское общество как объект политического исследования сохраняет свою актуальность в связи с эволюцией государственно-гражданских отношений и расширения пространства публичной политики. Также подчеркивается расширение реестра субъектов гражданского общества за счет диверсификации интересов сообществ. Обращается внимание на то, что в публичной политике все в большей степени обозначают свои интересы и позиции не институтированные субъекты, которые, не являясь в прямом смысле политическими субъектами, тем не менее обладают политической культурой, осуществляют политический выбор и приобретают опосредованную политическую субъектность. В качестве одной из продуктивных основ гражданской самоорганизации рассматривается этноконфессиональная идентичность как устойчивый и ресурсный комплекс. Ее жизнеспособность усматривается в экзистенциальных свойствах индивидов и групп, которые из сферы личного рационального и эмоционального проецируются в сферу общественно-политических отношений, отношений государства и граждан, которые объединены в рамках общественных организаций. Этнические и конфессиональные интересы трактуются как имманентные и продвигаемые в политику с учетом того, что любая идентичность формируется в поле публичной политики и сама воздействует на общественно-политический процесс. Дается авторское определение этноконфессиональной идентичности и прослеживаются ее проекции в политику под воздействием как внутренних, так и внешних факторов, среди которых актуализируется российский политико-доктринальный поворот к разумному консерватизму, актуализирующий традиционные этнокультурные и религиозно-духовные ценности народов. Подчеркивается закономерность приобретения национально-культурными и религиозными организациями и их лидерами свойств политической субъектности. Активисты, действующие в рамках добровольной (самопочинной) национально-культурной и религиозной организации, становятся общественными политиками и принимают участие в государственно-общественном управлении, которое свойственно эволюции отношений власти и граждан в РФ как в правовом, демократическом, социальном государстве. Таким образом преодолеваются противоречия между государством и гражданским обществом, которые тем не менее имеют объективную природу. Подчеркивается значимость взаимодействия общественных организаций с органами власти и управления в решении этнокультурных, этнорелигиозных проблем населения, прежде всего на местном и на региональном уровнях. Выделяется устойчивый тренд, а именно национально-культурные и религиозные организации, включенные в сетевые структуры гражданского общества, реагируют на актуальные вопросы российской общественно-политической повестки, в настоящее время повестки патриотической и гражданско-ориентированной. Во многом это определяется современными геополитическими вызовами и рисками, которым противостоят культурный, духовный и морально-нравственный суверенитет российского общества. Интеграция этноконфессиональных потребностей в общественно-политические форматы обеспечивает не только политико-волевое целеполагание общественных инициатив, но и гуманизацию, одухотворение политических стратегий и тактик.

Ключевые слова: общественно-политический процесс, национальная модель российского гражданского общества, этноконфессиональная идентичность, политическая субъектность.

Для цитирования: Ибрагимов И.Д. Этноконфессиональная идентичность как детерминанта гражданской самоорганизации в современном российском общественно-политическом процессе. *Южно-российский журнал социальных наук*. 2025. Т. 26. № 2. С. 99–115.

Введение

Разнообразие мира современной политики воплощается в разнообразных политических системах и политических режимах, а также в разнообразных моделях гражданской самоорганизации. Институирование субъектов гражданского общества при многих общих детерминантах имеет выраженную привязку не только к традиции взаимодействия государства и общества, власти и граждан, но и к социокультурной, социоментальной страновой и средовой традиции. Разнообразное содержание моделей гражданского общества обуславливается содержательными векторами, глубиной и целеполаганием самоорганизации его субъектов как носителей не только гражданской, но и политической культуры, политического сознания, политического поведения.

В общем реестре социокультурных детерминант гражданской самоорганизации выделяется *этноконфессиональная идентичность*, которая характеризуется устойчивостью, жизнеспособностью и ресурсностью. Самоорганизация граждан на базе этнической и религиозной идентичности сохраняет свое значение, несмотря на нарастающие процессы глобализации, культурной ассимиляции и аккультурации.

В общем социокультурном идентификационном комплексе индивида и группы оправдано актуализировать этническую и конфессиональную идентичности во взаимосвязи и взаимной обусловленности. В связи с этим отметим целесообразность: а) пополнения поисковой базы условий и факторов проецирования этноконфессиональных ориентиров в общественно-политический процесс; б) выявления характерологических свойств этноконфессиональной парадигмы общественно-политических, гражданско-активистских связей, чему, по нашему мнению, есть веские основания. Этноконфессиональная идентичность и соответствующая идентификация неотделимы от национально-государственного строительства, от формирования политических систем и политических режимов, в которых реализуются ожидания людей.

Множественную этноконфессиональную идентичность в контексте национальной российской модели гражданского общества мы трактуем в широком плане, потому что ее составляющими являются полиэтничность и поликонфессиональность, которые реализуются не только в социокультурном, но и в общественно-политическом контексте.

В этой связи определяются исследовательские вопросы — каким образом комплекс этноконфессиональной идентичности через гражданскую самоорганизацию включается в пределы общественно-политического процесса и, что вызывает большой интерес, в каких условиях и каким образом данная идентичность может проецироваться в политическую субъектность. В-первых, целесообразно уяснить, каким образом этноконфессиональная идентичность путем организации в общественных объединениях выступает воздействующим фактором общественно-политического процесса. Во-вторых, целесообразно определить,

в какой мере этноконфессиональная идентичность через самоорганизационные стратегии и тактики гражданского общества продвигается в публичную политику и способствует ее соответствию социокультурной традиции и гуманизации.

Степень изученности проблемы

Проблемное поле гражданского общества не теряет своей актуальности, а напротив, приобретает новые тематические сегменты в дополнение к базовым идеям Д. Коэна и Э. Арато, которые трактовали гражданский активизм и как необходимые инициативы меньшинств для самосохранения, и как сигнал большинства для побуждения власти к совершенствованию управления (Cohen, Arato, 1992). В этом плане важны идеи А. Ку, которая трактовала гражданство не в узком смысле приверженности к определённому государству, а в широком смысле — как осуществления «общественных практик гражданских организаций» (Ку, 2002).

Исследовательский интерес к идентификационным основам гражданской самоорганизации и самоуправления обусловлен нарастающей диверсификацией всех подсистем жизни современного общества и расширением реестра его субъектов. Коэволюция государственных и гражданских институтов закономерно оптимизирует государственно-гражданские отношения, которые, как подчеркивает Ю. А. Красин, требуют настройки механизма «обмена энергией между частной и публичной сферами общественной жизни» (Красин, 2009). Параллельная и взаимопроникающая эволюция государства и общества побуждает современную политическую науку к осмыслению принципов отношений государства и общества, которые, как отмечают С. В. Патрушев, Л. И. Филиппова, важны в решении проблем и оптимизации вызовов не только социального, но и политического свойства (Господство против политики: российский случай, 2019). Общественный активизм граждан и гражданского общества важен с учетом трендов, которые выделяет В. И. Соловьев в общем контексте рассмотрения перспектив «политики граждан» и «политики власти» при опасности «выдавливании гражданского общества за пределы политического пространства» (Соловьев, 2020). Современные российские исследования публичной — общественной политики свидетельствуют, с одной стороны, о диверсификации повестки гражданской самоорганизации, а с другой — о распространении государственной повестки и повестки управленческого мейнстрима на гражданское общество. Это оправдано с учетом ресурсов современного национального государства, которое, как подчеркивает В. В. Лапкин, выступает той необходимой «политической оболочкой», позволяющей структурироваться многим макросообществам, стремящимся к политической субъектности (Лапкин, 2020). Мы поддерживаем мнение о целесообразности использования ресурсов современного государства в формировании «сверху» благоприятной среды не только для гражданского активизма, но и для преодоления симптоматичного противостояния власти и граждан, на которые указывали С. Н. Жаров, А. Я. Неверов (2020). Инициативы государства важны для формирования общественных политиков, обладающих опосредованной политической субъектностью. Таковая может быть основой преодоления эксцессов отношений государства и гражданского общества, на что указывали С. Г. Зырянов, С. Н. Кожевников, многие российские исследователи (Кожевников, 2002; Зырянов, 2017). Здесь важны тезисы О. В. Гаман-Голутвиной о том, что на определенном этапе РФ как демократическое правовое социальное государство не откликалось на парадигму «активизирующегося государства» (Гаман-Голутвина, 2010). Необходимость

преодолении этой проблемы в системе общественно-государственного управления (ОГУ) подчеркивают В. Н. Якимец и Л. И. Никовская, тезис которых о «...межсекторном социальном партнерстве в процессе подготовки, принятия и реализации управленческих решений» имеет для нас методологическое значение (Якимец, Никовская, 2018).

Теоретико-методологическая основа и методы исследования

Исследование заявленной проблемы строится на межпрофильном совмещении методологических активностей социологии, политологии, этнологии. Такая междисциплинарность позволяет осмыслить в диалектической взаимосвязи феномен идентичности как базу самоорганизации, процесс гражданского самоопределения как сегмент общественно-политического процесса. Опора на концепты формальной социологии Г. Зиммеля об общественных формах и об общественных и частных интересах позволяет соотнести смысло содержание этнической и конфессиональной социальности с формами их обобществления в структурах гражданского общества [Зиммель, 1996]. В этой связи Р. В. Емельянов подчеркивает, что именно теоретические ресурсы формальной социологии позволяют выявить ход спонтанной низовой самоорганизации граждан в условиях конкретных вызовов (Емельянов, 2012). В то же время исследование трансформации общности с определенными (в данном случае этноконфессиональными) интересами в организованное общество с программными целями и с упорядоченными действиями по их достижению целесообразно в рамках институционального подхода. Идеи Д. Норта, М. Вебера позволяют нам трактовать общественные организации как неформальные — небюрократические — институты, которые не только формируются на основе общих интересов и озабоченностей, но и функционируют на основе соглашений и рациональных установок (Норт, 1997; Вебер, 2020).

Как отмечает Ю. А. Красин, конструктивно-оппонирующая модель отношений гражданского общества и государства нуждается в институционализации, а ее ход — в исследовании с позиций институционализма (Красин, 2009). Методология институционализма позволяет проследить вхождение этнических и конфессиональных интересов граждан (историко-культурных, мировоззренческих, вероучительных, обрядовых) в правовые и доктринальные декларации, а также установить технологические средства их обеспечения в системе общественных объединений (Патрушев, Филиппова, 2019).

И наконец, исследование этноконфессиональной идентичности проводится также в соотнесении этнологических концептов примордиализма, инструментализма, конструктивизма, которые хотя и демонстрируют принципиальные различия, но тем не менее содержат возможности для полипарадигмальной интеграции. Теоретические идеи Р. Г. Абдулатипова (2001), Л. М. Дробижевой (2010), М. П. Мchedловой (2005), В. А. Тишкова (2003), Ж. Т. Тощенко (2007), М. О. Шахова (2013) и многих других позволяют определить резервы этноконфессиональной идентичности как базы не только групповой консолидации, но и коллективного проектирования в контексте социальности и политики.

Результаты исследования

При внешней удаленности этничности и конфессиональности от политики этноконфессиональная идентичность, оформленная в национально-культурных

и религиозных организациях, тяготеет к политико-субъективизированным формам. Обращаясь к проблеме этноконфессиональной идентичности, мы основываемся на множестве классических, новых и новейших интерпретаций, которые выявляют связь этнических, конфессиональных интересов и политики. Диффузия религии и политики, как подчеркивает М. М. Мchedлова, проявляется в треках взаимного интереса власти и религиозных институтов гражданского общества на рубежных стадиях общественно-политического процесса (Мchedлова, 2018).

Во внутривнутриполитической нише этноконфессиональная идентичность проявляется через включение этно- и конфессионально идентификационных модусов в общественно-политический процесс, в формирование политико-управленческих элит и складывание политического класса, как отмечает М. А. Астацатурова (2021). Особенно это заметно в традиционных региональных сообществах, где функционируют разные этнические и конфессиональные коллективы. Они закономерно продвигают свои интересы в общий гражданский, а также и в политический актив, так как никакие этнодетерминированные и конфессионально обусловленные дефициты невозможно преодолеть без целевой политики, политической воли, политического участия.

Во внешнеполитической нише этноконфессиональная идентичность проецируется в межгосударственное взаимодействие, в котором соотносятся и взаимодействуют субъекты, представляющие разные этносферы и религиозные платформы. Отношения народов, наций, государств имеют этноинтерпретированные и конфессионально-продуцируемые образы и стереотипы, которые и обогащают, и осложняют международную повестку. Этнические и конфессиональные сообщества испытывают интерес к своему геополитическому статусу, а также к статусу, состоянию и настроениям сородичей за рубежом или в других регионах и особенно в горячих точках, в конфликтных ситуациях.

В обеих нишах свою роль играют общественные национально-культурные и религиозные объединения и организации (ассоциации, общины, фонды, миссии, конгрессы, автономии), которые формируются на основе этноконфессиональной идентичности.

В первую очередь обе эти идентичности отражают глубоко личностные интересы и, собственно, личностные самоопределения. В их основе лежит добровольное самоотождествление человека и его ответы на вопросы «Кто я?» и «Кто мы?» на основе знаний, информации, впечатлений, ощущений. Общее культурное знание об этничности и конфессиональности накапливается в ходе социализации, имеющей общеизвестные этапы, под влиянием многих внешних факторов. Решающими из них являются воздействие родителей, родственной среды, лидеров общественного мнения, авторитетных и референтных лиц соответствующего народа. Соответствующие свойства привносятся в общий социальный багаж индивида, пополняясь, ослабевая, трансформируясь в течение всей жизни. В известном плане этнические и конфессиональные установки человека — результат близких, внимательных и добросердечных отношений внутри семьи, внутри соседского, дружеского коллективов, которые типичны для россиян.

Во вторую очередь, близость этнической и конфессиональной идентичностей состоит в их высоком культурно-гуманистическом и морально-нравственном цензе, так как они призваны служить базой формирования социально-мыслительных, социально-поведенческих, социально-чувственных ценностей.

В линейке таковых можно назвать: уважение к ближним и близким, стремление к добру и взаимопомощи, следование ответственности и честности, избегание зла, обмана, корысти и др. Каждая этническая культура и каждая религия народов России является кладезем таких позитивов. Они преподносятся в качестве примера членам соответствующей группы, утверждая в этом свою уникальность и исключительность.

Сопряженность историко-культурных ценностей этничности с морально-нравственными ценностями конфессиональности формирует прочные детерминанты социального самоопределения индивидов и групп в российском гражданском обществе. Мы разделяем мнение С.В. Рыжовой о том, что в российском обществе произошло «...распространение этноконфессиональной идентичности населения, когда этничность и религиозность позиционируются в публичном пространстве вместе, как не дифференцируемая категория» (Рыжова, 2015).

Здесь отметим, что вхождение этничности и религиозности в общественно-политический процесс отмечается на всех этапах национально-государственного строительства России. В демократической РФ этноконфессиональная идентичность становится заметным сущностно-функциональным и ценностным свойством региональных групповых идеологий, из которых складывается общественная идеология национальной российской модели гражданского общества как государственно-гражданская по содержанию и поликультурная (полиэтническая, поликонфессиональная) по форме. Культурное разнообразие и в то же время гражданская солидарность придает национальной российской модели гражданского общества позитивный и перспективный характер.

Сочленение этнических и конфессиональных свойств можно отметить повсеместно: в национальном российском общественном, информационно-коммуникационном дискурсе, в практике соответствующих общественных объединений, а также в политико-доктринальных и нормативно-правовых документах РФ.

Выделение этноконфессиональной идентичности в качестве детерминанты гражданской самоорганизации в общественно-политическом процессе России представляется нам закономерным в силу следующих обстоятельств.

Первое — объективно-историческое разнообразие российского общества — многонационального народа РФ — российской гражданской нации как полиэтнической и поликонфессиональной. Народы и этнические группы в разные исторические периоды и разными путями (переселение, добровольное вхождение, присоединение, завоевание, миграция, переподчинение территорий, перемещение границ и др.) входили в состав Российского государства. Именно с приращением народов и территорий, как подчеркивает А.И. Миллер, начинается использование понятий «империя» и «нация» (Миллер, 2012), так как новые народы составляли социальные и политические конгломераты подданных Российской империи, граждан Советского Союза, граждан Российской Федерации.

Второе — закономерное формирование административно-территориального деления России как асимметричной федерации и наследницы имперской и советской традиции национально-государственного строительства, которое включало рельефный этноконфессиональный фактор. В государственном образовании РФ сочетаются административно-территориальный, национально-государственный и национально-территориальный принципы образования субъектов, которые

с 1920–1930-х гг. имели разные институциональные формы — округа, области, республики, а также и районы, и сельсоветы. По запросу региональных сообществ устанавливаются дополнительные государственные языки, строятся культовые сооружения, используются традиционно-этнические и религиозные символы; в политике, власти и управлении учитываются этнический и конфессиональный запросы.

Третье — сохраняющаяся широкая номенклатура этнических и конфессиональных интересов граждан РФ в культуре, в языке, в обыденной жизни, в ритуалах как праздничных, так и скорбных (свадьбы, похороны, посвящение, крещения, инициация). Оживление интереса граждан к религии, к вере, а также к народным верованиям и нетрадиционным деноминациям, к возрождению народной обрядности находит свой отклик в законодательстве РФ и субъектов РФ, а также в политических доктринальных документах федерального, регионального и местного уровней. Активизация этнических групп в российском обществе происходит параллельно с религиозным возрождением, что, с одной стороны, логично, а с другой — отмечено определенными рисками.

Четвертое — самоценные запросы на этноконфессиональную идентичность в разных социодемографических группах, в частности, в молодежной среде, которая чрезвычайно социально подвижна и неустойчива. Учитывая это, предположим, что следование традиционным этноконфессиональным идентификационным жизненным алгоритмам могло бы уберегать молодых людей от ущербов и рисков современного мира. Однако именно молодым людям сложно сочетать исполнение нравственных запросов религии со светскими запросами социализации, политической адаптации, карьерного роста, и они в ряде случаев находятся в поиске новых религий, истинных религий или в возврате к домонотеистическим верованиям.

Пятое — особая значимость этнической идентичности и конфессиональной идентичности в отдельных российских регионах, где сохраняются этноэтнические, вероучительные кодексы народов. Они противопоставляются ускоренной модернизации и используются в качестве механизма защиты от чуждой, чаще всего западной, культуры, а также и от идейно-идеологических санкций против РФ в общих усилиях западных стран по организации «анти-России» и фейковой экспансии. Запрос на этноконфессиональную идентичность в границах синкретичной российской гражданской идентичности разнится по регионам РФ, что подчеркивают С. А. Ляужева, З. А. Жаде (2018). В качестве таких регионов и субъектов РФ целесообразно выделить Северный Кавказ, Крым, Сибирь, Дальний Восток, Поволжье и отдельно Татарстан, Башкирию, Чечню. Это связано с общими причинно-следственными трендами формирования российского геополитического пространства как самой большой по территории страны, которая приращивалась территориями с проживающими на них народами, чей этногенез на данных территориях определил их коренной статус и в дальнейшем в ряде случаев и статус титульных народов.

В РФ, как и в иных государствах современной постиндустриальной и информационной эпохи, этноконфессиональная идентичность имеет большую востребованность в регионально-провинциальных территориях, в муниципально-местных сообществах. Эти сообщества сохранили практики, обряды и символы народной, этнической культуры, они поддерживают религиозные системы и осуществляют

религиозные обряды. Потребность в этноконфессиональной идентичности и в соответствующей идентификации в виде национально-культурного и конфессионального самоопределения менее выражена в мегаполисах, в больших городах, где агрессивная городская среда и темп жизни нивелируют этноконфессиональные интересы. В то же время, по опросам ФОМ, выясняется, что большинство российских граждан с уважением относятся к религии, религиозным праздникам. За последние 30 лет роль религии в российском обществе несколько возросла¹. В этой связи оптимизация этнического и конфессионального факторов в коллективных идентичностях россиян, а также в сообществах пограничных России стран, как подчеркивает Е.В. Морозова, имеет большой геополитический смысл (Морозова, 2022).

Самоорганизация российских граждан на основе этноконфессиональной идентичности продолжается на развивающейся нормативно-правовой базе и в режиме большого политического благоприятствования. Поправки в Конституцию РФ, а также такие указы Президента РФ, как «Об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации» (ред. 2019 г.), «О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России» (2021 г.), «Об утверждении основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» (2024 г.) и другие создают благоприятные условия для диверсификации деятельности национально-культурных и религиозных организаций. На современном этапе развиваются такие общественно-значимые векторы, как: формирование сетевых вертикальных и горизонтальных структур; разработка социально ориентированных проектов; осуществление общественно-ответственной деятельности; усиление позиций в информационном пространстве; профилактика социальных противоречий и конфликтов, а также практическое миротворчество и миростроительство. Вместе с тем все векторы деятельности все в большей мере приобретают политическую значимость, так как обеспечивают стабилизацию такого важного сегмента общественно-политических отношений, как межэтнические, межконфессиональные и государственно-религиозные отношения. Лидеры и активисты национально-культурных и религиозных организаций приобретают опыт публичных политиков и определённую политическую субъектность. Общественный активизм национально-культурных и религиозных организаций приобретает политическое содержание через такие технологии, как: вхождение в общественно-консультативные, экспертные советы и коллегии при органах власти; участие в разработке и обсуждение целевых правовых и политико-доктринальных документов; организация примирительных комиссий; профилактика ксенофобии, национализма, радикальных идей, социальных девиаций особенно в среде молодежи. Национально-культурные и религиозные организации и их лидеры оперативно реагируют на опасные, провокационные ситуации внутриполитического и внешнеполитического содержания, которые разжигают межнациональную рознь, наносят ущерб этническому самосознанию, оскорбляют чувства верующих и т.д.

Отметим, что в своей деятельности общественные объединения этноконфессиональной детерминации часто применяют технологии, присущие субъектам

¹ Традиционные ценности в российском обществе. Опрос о понимании традиционных ценностей и их распространённости в России. ФОМ. 6 сентября 2024 г. Режим доступа <https://fom.ru/TSennosti/15068> (дата обращения 02.04.2025).

политического процесса. Это: подготовка и опубликование заявлений, обращений, меморандумов, резолюций, призывов, которые посвящены не только народным и религиозным праздникам, но и государственным датам, а также геополитическим событиям, инцидентам государственно-религиозных отношений и дефицитам государственной национальной политики. Также это: организация и проведение мероприятий общественно-политической значимости; реализация проектов, которые отвечают запросам политической и геополитической ситуации.

Российские религиозные и этнические организации повсеместно в опосредованном формате включены в публичную политику и приобретают компетенции политического участия, политического поведения, политической субъектности в общих практиках гражданского общества в России. Закономерно, что национально-культурные и религиозные организации имеют собственные возможности для интерпретации политических явлений, процессов в категориях нравственности, морали, этнокультурных традиций и этических народных кодексов. Также они имеют возможности непрямого, но убеждающего воздействия на политический выбор своих последователей и сторонников.

В РФ при поддержке Федерального агентства по делам национальностей, Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, Совета при Президенте РФ по взаимодействию с религиозными организациями, Российской Ассоциации религиозной свободы, Ассамблеи народов России, Ресурсного центра в сфере национальных отношений национально-культурные и религиозные организации все в большей степени включаются в публичную общественную политику.

Такое включение чрезвычайно важно в условиях доктринального идейно-идеологического поворота к разумному консерватизму, в котором государство акцентирует традиционные ценности не только как духовно-нравственный, но и как политико-управленческий и даже геополитический императив, что фиксируется в Указе Президента РФ «Об утверждении государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (2022 г.). В сохранении и распространении традиционных духовно-нравственных ценностей организации этноконфессиональной обусловленности проявляются особенно убедительно в силу их непосредственного предназначения и заинтересованности. В связи с этим программные документы, проекты, мероприятия и публичный дискурс национально-культурных автономий и организаций и религиозных объединений демонстрируют сближение и взаимопроникновение этноконфессиональных и политических векторов в парадигме развития национальной российской модели гражданского общества.

Обсуждение результатов

Как отмечает М. С. Кудряшова, именно нравственно-гуманистические и религиозные ценности «...определяют степень дозволенного в политических средствах и методах для достижения целей властвующей элиты» (Кудряшова, 2015). Соответственно, отказ от этих ценностей или циничное пренебрежение ими приводит практическую политику и общественно-политический процесс к искажениям и вредоносным девиациям, которые наблюдаются в странах «старой демократии».

Подчеркнем, что в современных социальных размежеваниях и политических конфликтах, равно как и в стратегиях и тактиках их урегулирования,

существенное значение приобретают не институциональные и не бюрократические, а дифференцированные социокультурные, ценностные факторы. Как отмечает А.В.Глухова, в социальных конфликтах, большую роль «...начинают играть не столько объективные, сколько субъективные факторы, включая проблемы идентификации, признания и уважения» (Глухова, 2024). Отталкиваясь от этого тезиса, рассмотрим этноконфессиональную идентичность как значимую детерминанту, которая обуславливает гражданскую солидарность групп вокруг неформализованных ценностей экзистенциального значения. В общем плане этноконфессиональная идентичность, как и всякая иная, — это возможность человека выделить комплекс свойств, по которым он соотносит, сравнивает, отождествляет или отделяет себя от группы, но также от времени (периода, эпохи), от пространства, от события и ситуации. Феномен и институт идентичности остаются чрезвычайно сложными для исследовательского освоения, что приводит к большому разнообразию теоретико-методологических обобщений в разнообразных категориях и понятиях, в том числе, как отмечает И.С.Семеновко, и политических (Семеновко, 2023).

Разработка идентичности как социально-психологического комплекса в пределах социальных и политических наук, как отмечает В.С.Малахов, ведется в соотношении с комплексом социальных ролей. Играя их, человек осуществляет социализацию и отождествление себя со значимой для него группой как референтной (Малахов, 1998). Соотнесение себя с группой важно для коллективной деятельности субъектов гражданского общества, которые в рамках общественно-политического процесса развивают самоорганизационный активизм, исходя из коллективных представлений о взаимных обязательствах государства и общества, о возможностях сотрудничества общественных объединений и органов власти и управления.

В связи с этим изучение гражданского самоопределения в институциональной структуре гражданского общества с опорой на этноконфессиональную идентичность целесообразно с использованием известных принципов социологии и политологии идентичности, российский сегмент которых сегодня существенно наращивается (Бедрик и др., 2018). Здесь выделим категорию социальных представлений, концепт которых сегодня акцентируется, разрабатывается в российской социальной и политической науке в связи с расширением публичной политики и умножением ее субъектов, которые, как отмечает И.В.Мирошниченко, формируют сетевое информационно-дискурсивное пространство (Мирошниченко, 2024). В этом пространстве на основе идентификационных свойства или представлений об этих свойствах индивиды и группы осуществляют самосознание и самоопределение — самоидентификацию. При этом процесс обретения индивидом этничности и конфессиональности, как подчеркивает М.А.Аствацатурова, сложен в силу рациональности и иррациональности их составляющих, если только не считать их обязательными и неизбежными по умолчанию (Аствацатурова, 2020).

Потребность в реализации социальных идентичностей как детерминант национальной российской модели гражданского общества очевидна с учетом многих неблагоприятных тенденций и закономерностей современности. Отношения между РФ и странами Запада трансформировались в 2014–2022–2025 гг. в политическое противостояние. Повсеместно наблюдается соотнесение опасных проявлений с этноконфессиональными свойствами индивидов и групп. Практически

во всех конфликтах и геополитических инцидентах мы наблюдаем проявления этнического и конфессионального факторов.

В то же время именно множественную этноконфессиональную идентичность представляется возможным рассмотреть в качестве одной из позитивных детерминант отечественной национальной модели гражданского общества в пределах современного российского общественно-политического процесса. Актуальность такой постановки вопроса обусловлена пересмотром теоретико-методологических парадигм секуляризации, что отмечает И. А. Кудряшова, предлагая интеграцию «теоретико-методологических подходов из различных областей гуманитарного знания — философского, сравнительно-исторического, политологического, социологического», что позволит развивать «политологию религии как субдисциплину политической науки, которая находится в стадии формирования» (Кудряшова, 2013).

Комплексные этноконфессиональные интересы противостоят массовизации культуры, которая нивелирует этнические и религиозные потребности людей (мировоззренческие и обрядовые). Для защиты этноконфессиональных интересов граждане формируют неформальные сообщества и формализованные целевые ассоциации и осуществляют программные действия. В ходе таких целевых действий коллективные субъекты гражданского общества приобретают новый опыт общественно организованного, социально ответственного и политически значимого смысла. Это обеспечивает связь гражданской этноконфессиональной самоорганизации и политической социализации, а также обуславливает (непосредственно и опосредованно) политический рациональный выбор этноконфессиональными потребностями и интересами.

Основные выводы

Исследования показывают, что гражданская самоорганизация формируется на многих детерминантах, среди которых выделяется и этноконфессиональная идентичность. В эволюции государственно-гражданских отношений этническое и религиозное достояние народов РФ имеет не только морально-нравственное, но и общественно-политическое звучание. В этой связи мы актуализируем этноконфессиональную идентичность как одну из детерминант самоорганизации субъектов национальной российской модели гражданского общества, проецирующуюся через гражданское институтирование в общественно-политический процесс, в политику.

На основании приведенных тезисов сформулируем авторское определение этноконфессиональной идентичности как детерминанты гражданской самоорганизации в общественно-политическом процессе: этноконфессиональная идентичность — это значимый социокультурный комплекс, отражающий отождествление индивида или группы с набором взаимосвязанных этнических и конфессиональных характеристик и создающий платформу для самопрезентации, самоопределения и самоорганизации в системе гражданского общества с целью соотнесения индивидуального «я» или коллективного «мы» с группой на основе этничности, религии, веры.

Национально-культурные и религиозные организации как субъекты гражданского общества действуют внутри правового и политического пространства РФ. Этнические и религиозные организации, их лидеры в случае необходимости апеллируют непосредственно к субъектам политики, к государству и все в большей

мере сотрудничают с ними в режиме партнерства. Это чаще всего связано с дифференцированным оформлением этнических и конфессиональных интересов, с конфликтными ситуациями, а также и с проблемами этнической безопасности и религиозного комфорта. Осуществляя свои действия, общественные этнические и религиозные институты вступают в широкие социально-организованные и политико-смысловые связи с органами власти и управления, общественными объединениями, международными организациями, гуманитарными фондами, учреждениями образования, культуры, спорта и просвещения. Такие связи имеют не только социальное, но политическое значение.

Актуализация публичного общественно-политического участия общественных организаций, основанных на этноконфессиональной идентичности, происходит в современных условиях под воздействием, как внутренних, так и внешних факторов. Во-первых, это политико-доктринальный поворот к разумному консерватизму, который актуализирует традиционные этнокультурные и религиозно-духовные ценности народов. Во-вторых, это геополитические вызовы и риски, которые актуализируют культурный и морально-нравственный аспекты политического, государственного суверенитета российского общества.

Интеграция политики, религии и этнической культуры составляет преимущественную основу деятельности национально-культурных и религиозных организаций, которые реагируют на актуальные контрапункты общероссийской общественно-политической повестки. Такая интеграция позволяет придать политико-волевые свойства общественным этноконфессиональным инициативам и в то же время присвоить политическим императивам в сфере этнических и конфессиональных интересов человеческое, гуманистическое звучание.

Библиографический список

- Абдулатипов, Р. Г. (2001). *Управление этнополитическими процессами. Вопросы теории и практики*. Москва: Славянский диалог.
- Аствацатурова, М. А. (2020). *Этнополитика как искусство возможного. Теоретические идеи и практические проекции*. Москва: Academia.
- Аствацатурова, М. А. (2021). Участие этноидентификационных модусов в гомогенизации политической культуры российской гражданской нации. *Гражданин. Выборы. Власть*, 2(20), 94–108.
- Бедрик, А. В., Бинева, Н. К., Дьяченко, А. Н. (2018). Этноконфессиональная идентичность населения Юга России: дихотомия национального и религиозного компонентов. *Гуманитарий Юга России*, 7, 57–65.
- Вебер, М. (2020). *Политика как призвание и профессия*. Москва: Рипол-Классик.
- Гаман-Голутвина, О. В. (2010). Авторитаризм развития или авторитаризм без развития: судьбы модернизации на постсоветском пространстве. *Вестник МГИМО- Университета*, 4, 77–85.
- Глухова, А. В. (2024). Факторы риска в эпоху неопределенности (новые кризисы и их кумулятивные эффекты). *Южно-российский журнал социальных наук*, 25(1), 20–37. DOI: 10.31429/26190567-25-1-20-37
- Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений* (2019). Москва: Политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Дробижева, Л. М. (2010). Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики. *Вестник Института социологии*, 1(1), 429–442.

- Емельянов, Р. В. (2012). Возможность исследования гражданского общества с позиций формальной социологии. *Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 152, 169–174.
- Жаров, С. Н., Неверов, А. Я. (2020). Правовое государство и гражданское общество: взаимодействие или противостояние? *Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право*, 5(3), 11–17. DOI: 10.47475/2618-8236-2020-15302
- Зиммель, Г. (1996). *Проблема социологии*. Москва: Изд. Международного университета бизнеса и управления.
- Зырянов, С. Г. (2017). Основные функции гражданского общества: теоретический аспект. *Социум и власть*, 2, 15–20.
- Кожевников, С. Н. (2002). Гражданское общество: понятие, основные признаки, предпосылки формирования в России. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 1, 38.
- Красин, Ю. А. (2009). Гражданское общество и государство: оппоненты–партнеры. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*, 14, 244–252.
- Кудряшова, И. В. (2013). Как изучать взаимодействие религии и политики. *Политическая наука. Религия и политика*, 2, 9–24.
- Кудряшова, М. С. (2015). Справедливость как высшая ценность: ислам в современном диалоге цивилизаций. *Ислам в современном мире*, 11(2), 119–126. DOI: 10.20536/2074-1529-2015-11-2-119-126
- Лапкин, В. В. (2020). Государство во времена и пространствах: многообразие и изменчивость. *Полис. Политические исследования*, 6, 148–162. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.11
- Ляшова, С. А., Жаде, З. А. (2018). Религиозная идентичность: некоторые подходы к осмыслению феномена. *Научные труды КубГТУ*, 10, 146–154.
- Малахов, В. С. (1998). Неудобства с идентичностью. *Вопросы философии*, 2, 43–53.
- Миллер, А. И. (2012). *Этноконфессиональный фактор в развитии Российской империи (конец 18-начало 20 в.)*. Москва: Новый хронограф.
- Мирошниченко, И. В. (2024). Сетевая публичная политика. В А.И. Соловьев (ред.) *Политология. Новый лексикон* (с. 310–319). Москва: Аспект Пресс.
- Морозова, Е. В. (2022). Конструирование коллективной идентичности в макрорегионе (кейс Большого Каспия). В О. В. Гаман-Голутвина, Л. В. Сморгун, Л. Н. Тимофеева (ред.) *Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности* (с. 292–293). Москва: Аспект Пресс.
- Мчедлов, М. П. (2005). *Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России*. Москва: Научная книга.
- Мчедлова, М. М. (2018). Диффузия религии и политики: участие или управление. В О. В. Гаман-Голутвина, Л. В. Сморгун, Л. Н. Тимофеева (ред.) *Политика развития, государство и мировой порядок: материалы VIII Всероссийского конгресса политологов* (с. 369–370). Москва: Издательство «Аспект пресс».
- Норт, Д. (1997). *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Москва: Фонд экономической книги «Начала».
- Патрушев, С. В., Филиппова, Л. Е. (2019). Институционализм и неоинституционализм. В О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин (ред.) *Современная политическая наука. Методология* (с. 101–137). Москва: Аспект Пресс.
- Патрушев, С. В., Филиппова Л. Е. (2019). *Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений*. Москва: Политическая энциклопедия.
- Рыжова, С. В. (2015). Этноконфессиональная идентичность и формирование религиозных политических ориентаций. *Социология религии*, 10, 136.

- Семененко, И. С. (2023). Идентичность как ресурс общественного развития. В И. С. Семененко (ред.) *Идентичность как ресурс общественного развития: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля* (с. 18–26). Москва: Весь мир.
- Соловьев, В. И. (2020). Власть и политика. *Полемические вопросы о «проклятых вопросах» политической науки. Полис. Политические исследования*, 6, 135–147. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.10
- Тощенко, Ж. Т. (2007). Государство как субъект теократии. *Социологические исследования*, 2, 3–14.
- Тишков, В. А. (2003). *Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии*. Москва: Наука.
- Шахов, М. О. (2013). *Правовые основы деятельности религиозных организаций в Российской Федерации*. Москва: Сретенский ставропигиальный мужской монастырь.
- Якимец, В. Н., Никовская, Л. И. (2018). Механизмы и принципы межсекторного социального партнерства как основа развития общественно-государственного управления. *Власть*, 4, 15–25. DOI: 10.31171/vlast.v26i4.5757
- Cohen, J., Arato, A. (1992). *Civil Society and Political Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ku, A. (2002). Beyond the Paradoxical Conception of Civil Society without Citizenship. *International Sociology*, 17(4), 529–548.

Статья поступила в редакцию 24.04.2025

Статья принята к публикации 30.05.2025

ETHNO-CONFESSIONAL IDENTITY AS A DETERMINANT OF CIVIC SELF-ORGANIZATION IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIO-POLITICAL PROCESS

I. D. Ibragimov

Ibragim D. Ibragimov

E-mail: ibragimid@mail.ru. ORCID 0000-0003-0235-0285

Pyatigorsk State University, 9 Kalinin Ave., Pyatigorsk, Stavropol Krai, 357532, Russia

Abstract. The article substantiates scholarly interest in the identity-based determinants of civil society in contemporary Russia. It notes that civil society remains a relevant object of political research owing to the ongoing evolution of state-citizen relations and the expansion of the realm of public policy. The study also highlights the expansion of the roster of civil-society actors, driven by the diversification of community interests. Increasingly, non-institutional actors articulate their interests and positions in the public arena; although they are not political entities in the strict sense, they possess political culture, make political choices, and acquire indirect political subjectivity. Ethno-confessional identity is examined as one of the productive foundations of civic self-organisation — conceived as a stable, resource-based complex. Its vitality is rooted in the existential attributes of individuals and groups that, originating in the sphere of personal rationality and emotion, are projected into socio-political relations and into interactions between the state and citizens who are united within public associations. Ethnic and religious interests are regarded as immanent and politically mobilised, given that any identity is forged within the field of public policy and, in turn, influences the socio-political process. The author offers an original definition of ethno-confessional identity and traces its projection into politics under both internal and external influences, paying particular attention to Russia's politico-doctrinal turn toward "rational conservatism," which reaffirms the traditional ethno-cultural and religious-spiritual values of the peoples of Russia. A consistent trend is identified whereby national-cultural and religious organisations — and their leaders — acquire political subjectivity. Activists operating within voluntary, self-initiated national-cultural and religious organisations evolve into public political figures who participate in state-society governance, reflecting the development of power-citizen relations in the Russian Federation as a law-governed, democratic, and social state. In this way, the inherent contradictions between state and civil society — though objectively grounded — are mitigated. The study underscores the importance of cooperation between public associations and governmental bodies in addressing the ethno-cultural and ethno-religious concerns of the population, especially at local and regional levels.

A resilient trend is noted: national-cultural and religious organisations embedded in civil-society networks respond to Russia's current socio-political agenda, which today is predominantly patriotic and civic-oriented. This engagement is largely shaped by contemporary geopolitical challenges and risks, against which the cultural, spiritual, and moral sovereignty of Russian society is asserted. Integrating ethno-confessional needs into socio-political frameworks ensures not only the political-volitional direction-setting of civic initiatives, but also the humanisation and spiritualisation of political strategies and tactics.

Keywords: socio-political process, national model of Russian civil society, ethno-confessional identity, political subjectivity.

For citation: Ibragimov I. D. Ethno-Confessional Identity as a Determinant of Civic Self-Organization in the Contemporary Russian Socio-Political Process. *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2025. Vol. 26. No. 2. Pp. 99–115.

References

- Abdulatipov, R. G. (2001). *Upravlenie ehtnopoliticheskimi protsessami. Voprosy teorii i praktiki* [Management of Ethno-political Processes. Issues of Theory and Practice]. Moskva: "Slavyanskii dialog".
- Astvaturova, M. A. (2020). *Ehtnopolitika kak iskusstvo vozmozhnogo. Teoreticheskie idei i prakticheskie proektsii* [Ethnopolitics as the Art of the Possible. Theoretical Ideas and Practical Projections]. Moskva: Academia.
- Astvaturova, M. A. (2021). "Uchastie" ehtnoidentifikatsionnykh modusov v gomogenizatsii politicheskoi kul'tury rossiiskoi grazhdanskoi natsii ["Participation" of Ethno-identification Modes in the Homogenization of the Political Culture of the Russian Civil Nation]. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'* [Citizen. Elections. Authority], 2(20), 94–108.
- Bedrik, A. V., Bineeva, N. K., D'yachenko, A. N. (2018). Ehnikonfessional'naya identichnost' naseleniya Yuga Rossii: dikhomiya natsional'nogo i religioznogo komponentov [Ethno-Confessional Identity of the Southern-Russian Population: Dikhotomy of the National and Religious Components]. *Gumanitarii Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia], 7, 57–65.
- Cohen, J., Arato, A. (1992). *Civil Society and Political Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Drobizheva, L. M. (2010). Ehnicnost' v sovremennom obshchestve: novye podkhody, starye mify, sotsial'nye praktiki [Ethnicity in Modern Society: New Approaches, Old Misperceptions, Social Practices]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 1, 429–442.
- Emel'yanov, R. V. (2012). Vozmozhnost' issledovaniya grazhdanskogo obshchestva s pozitsii formal'noi sotsiologii [Possibility of Researching Civil Society from the Perspective of Formal Sociology]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 152, 169–174.
- Gaman-Golutvina, O. V. (2010). Avtoritarizm razvitiya ili avtoritarizm bez razvitiya: sud'by modernizatsii na postsovetском prostranstve [Developmental Authoritarianism or Authoritarianism without Development: modernization Destiny in the Post-Soviet Space]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO-University], 4, 77–85.
- Glukhova, A. V. (2024). Faktory riska v ehpokhu neopredelennosti (novye krizisy i ikh kumulyativnye ehffekty) [Risk Factors in an Era of Uncertainty (New Crises and Their Cumulative Effects)]. *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], 25(1), 20–37. DOI: 10.31429/26190567-25-1-20-37
- Gospodstvo protiv politiki: rossiiskii sluchai. Ehffektivnost' institutsional'noi struktury i potentsial strategii politicheskikh izmenenii* [Dominance versus Politics: The Russian Case. The Effectiveness of Institutional Structure and the Potential of Political Change Strategies] (2019). Moskva: Politicheskaya ehntsiklopediya (ROSSPEHN).
- Kozhevnikov, S. N. (2002). Grazhdanskoe obshchestvo: ponyatie, osnovnye priznaki, predposylki formirovaniya v Rossii [Civil Society: The Concept, Main Features, Prerequisites for Formation in Russia]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University], 1, 38.

- Krasin, Yu. A. (2009). Grazhdanskoe obshchestvo i gosudarstvo: opponenty–partner [Civil Society and State: Opponents and Partners]. *Vestnik RGGU. Ser.: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [RGGU Bulletin. Political Science. History. International Relations Series], 14, 244–252.
- Ku, A. (2002). Beyond the Paradoxical Conception of Civil Society without Citizenship. *International Sociology*, 17(4), 529–548.
- Kudryashova, I. V. (2013). Kak izuchat' vzaimodeistvie religii i politiki [How to Study the Interaction of Religion and Politics?]. *INION RAN. Politicheskaya nauka. Religiya i politika. Arkhiv* [INION RAS. Political Science. Religion and Politics. Archive], 2, 9–24.
- Kudryashova, M. S. (2015). Spravedlivost' kak vysshaya tsennost': islam v sovremennom dialoge tsivilizatsii [Justice as a Supreme Value: Islam in the Contemporary Dialogue of Civilizations]. *Islam v sovremennom mire* [Islam in the Modern World], 11(2), 119–126. DOI: 10.20536/2074-1529-2015-11-2-119-126
- Lapkin, V. V. (2020). Gosudarstvo vo vremenakh i prostranstvakh: mnogoobrazie i izmenchivost' [The State in Times and Spaces: Diversity and Variability]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 6, 148–162. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.11
- Lyausheva, S. A., Zhade, Z. A. (2018). Religioznaya identichnost': nekotorye podkhody k osmysleniyu fenomena [Religious Identity: Some Approaches to Understanding the Phenomenon]. *Ehlektronnyi politematcheskii zhurnal "Nauchnye trudy KuBGTU"* [Scientific Works of the Kuban State Technological University], 10, 146–154.
- Malakhov, V. S. (1998). Neudobstva s identichnost'yu [Inconveniences with Identity]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 2, 43–53.
- Mchedlov, M. P. (2005). *Religiovedcheskie ocherki. Religiya v dukhovnoi i obshchestvenno-politicheskoi zhizni sovremennoi Rossii* [Religious Essays. Religion in the Spiritual and Socio-political Life of Modern Russia]. Moskva: Izd-vo "Nauchnaya kniga".
- Mchedlova, M. M. (2018). Diffuziya religii i politiki: uchastie ili upravlenie [Diffusion of Religion and Politics: Participation or Governance]. In O. V. Gaman-Golutvina, L. V. Smorgunov, L. N. Timofeeva (Eds) *Politika razvitiya, gosudarstvo i mirovoi poryadok: Materialy VIII Vserossiiskogo kongressa politologov* [Development Policy, the State, and World Order: Proceedings of the VIII All-Russian Congress of Political Scientists] (pp. 369–370). Moskva: Izd-vo Aspekt Press.
- Miller, A. I. (2012). Ehtnokonfessional'nyi faktor v razviti Rossii (konets 18 – nachalo 20 v.) [Ethno-Confessional Factor in Russian Empire's Development (Late 18 – Early 20 C.)]. In T. Yu. Krasovitskaya, V. A. Tishkov (Eds) *Ehtnicheskii i religiozni faktory v formirovanii i ehvolyutsii rossiiskogo gosudarstva* [Ethnic and Religious Factor in Russian State's Formation and Evolution] (pp. 102–150). Moskva: Novyi khronograf.
- Miroshnichenko, I. V. (2024). Setevaya publichnaya politika [Network Public Policy]. In A. I. Solov'ev (Ed.) *Politologiya. Novyi leksikon* [Political Science. New Lexicon] (pp. 310–319). Moskva: Aspekt Press.
- Morozova, E. V. (2022). Konstruirovaniye kollektivnoi identichnosti v makroregione (keis Bol'shogo Kaspiya). [Construction of New Identities in a Microregion (the Greater Caspian Case)]. In O. V. Gaman-Golutvina, L. V. Smorgunov, L. N. Timofeeva (Eds) *Politicheskie vyzovy i politicheskii dialog v uslovii global'noi turbulentnosti. Materialy Vserossiiskoi konferentsii RAPN s mezhdunarodnym uchastiem* [Political Challenges and Political Dialogue in the Conditions of Global Turbulence: Materials of the All-Russian Conference of the Russian Academy of Sciences with International Participation] (pp. 292–293). Moskva: Aspekt Press.
- Nort, D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovaniye ehkonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. Moskva: Fond ehkonomicheskoi knigi "Nachala".
- Patrushev, S. V., Filippova, L. I. (Eds) (2019). *Gospodstvo protiv politiki: rossiiskii sluchai. Ehfektivnost' institutsional'noi struktury i potentsial strategii politicheskikh izmenenii* [Domination Against Politics: The Russian case. The Effectiveness of the Institutional Structure and the Potential of Strategies for Political Change]. Moskva: Politicheskaya ehntsiklopediya (ROSSPEN).
- Patrushev, S. V., Filippova, L. E. (2019). Instituttsionalizm i neoinstituttsionalizm [Institutionalism and Neo-Institutionalism]. In O. V. Gaman-Golutvina, A. I. Nikitin (Eds) *Sovremennaya*

- politicheskaya nauka: Metodologiya: Nauchnoe izdanie* [Modern Political Science. Methodology. Scientific Publication] (pp. 101–137). Moskva: Izd-vo “Aspekt Press”.
- Ryzhova, S. V. (2015). Ehtnokonfessional’naya identichnost’ i formirovanie religioznykh politicheskikh orientatsii [Ethnoconfessional Identity and the Formation of Religious and Political Orientations]. *Sotsiologiya religii* [Sociology of Religion], 10, 136.
- Semenenko, I. S. (2023). Identichnost’ kak resurs obshchestvennogo razvitiya [Identity as a Resource for Social Development]. In I. S. Semenenko (Ed.) *Identichnost’ kak resurs obshchestvennogo razvitiya: lichnost’, obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel’skogo polya* [Identity as a Resource for Social Development: Personality, Society, Politics. New Contours of the Research Field]] (pp. 18–26). Moskva: Izd-vo “Ves’ mir”.
- Shakhov, M. O. (2013). *Pravovye osnovy deyatel’nosti religioznykh organizatsii v Rossiiskoi Federatsii* [Legal Framework of Activities of Religious Organizations in the Russian Federation]. Izd. Sretnenskogo stavropigial’nogo muzhskogo monastyrja.
- Solov’ev, V. I. (2020). Vlast’ i politika. *Polemicheskie voprosy o “proklyatykh voprosakh” politicheskoi nauki* [Power and Politics. Polemic Notes about “Damned Questions” of Political Science]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 6, 135–147. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.10
- Tishkov, V. A. (2003). *Rekviem po ehtnosu: Issledovaniya po sotsial’no-kul’turnoi antropologii* [Requiem for Ethnos: Studies in Socio-cultural Anthropology]. Moskva: Izd-vo “Nauka”.
- Toshchenko, Zh. T. (2007). Gosudarstvo kak sub”ekt teokratii [State as Subject of Theocracy]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2, 3–14.
- Veber, M. (2020). *Politika kak prizvanie i professiya* [Politics as a Vocation]. Moskva: Ripol-Klassik. Seriya Librarium.
- Yakimets, V. N., Nikovskaya, L. I. (2018). Mekhanizmy i printsipy mezhsektornogo sotsial’nogo partnerstva kak osnova razvitiya obshchestvenno-gosudarstvennogo upravleniya [Mechanisms and Principles of Intersectoral Social Partnership as a Basis for Developing the Public-State Governance]. *Vlast’* [Vlast’], 4, 15–25. DOI: 10.31171/vlast.v26i4.5757
- Zharov, S. N., Neverov, A. Ya. (2020). Pravovoe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo: vzaimodeistvie ili protivostoyanie? [Legal State and Civil Society: Interaction or Confrontation?]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law], 3, 11–17. DOI 10.47475/2618-8236-2020-15302.
- Zimmel’, G. (1996). *Problema sotsiologii: Zapadno-Evropeiskaya sotsiologiya XIX-nachala XX vekov* [The Problem of Sociology: Western European Sociology of the 19th-early 20th Centuries]. Moskva: Izd. Mezhdunarodnogo universiteta biznesa i upravleniya.
- Zyryanov, S. G. (2017). Osnovnye funktsii grazhdanskogo obshchestva: teoreticheskii aspekt [Main Functions of Civil Society: Theoretical Aspect]. *Sotsium i vlast’* [Society and Power], 2, 15–20.

Received 24.04.2025

Accepted 30.05.2025

© 2025 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license – <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>